

К.А. Иностранцев

**Персидская литературная
традиция в первые века
ислама**

Том 08, №13.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
К11

К11 **К.А. Иностранцев**
Персидская литературная традиция в первые века ислама: Том 08, №13. / К.А.
Иностранцев – М.: Книга по Требованию, 2020. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-6637-2

Записки императорской академии наук.

ISBN 978-5-4241-6637-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Характеръ персидской исторіи въ сасанидскую эпоху. Ея значеніе въ сужденіи арабскихъ писателей ранне-мусульманскаго періода. Положеніе парсійской общины и центры сохраненія персидской традиціи въ первые вѣка ислама. Замокъ Джиссъ, его архивъ и жившіе въ немъ знатоки иранскаго преданія.	1— 9
II. Парсійское духовенство и мусульманская иранофильская партія Шу'убія. Ихъ роль въ сохраненіи персидской литературной традиціи. Различныя формы проявленія этой традиціи: научная, эпико-историческая, сказочная, этико-дидактическая	9—14
III. Книги этико-дидактическаго характера въ Фихристѣ	14—21
IV. Источники сборника Ибн-Мискавейхи. Персидскій элементъ въ развитіи мусульманской морали. «Книга адаба» Ибн-ал-Мукаффы и нѣкоторыя другія близкія къ ней арабскія сочиненія	21—25
V. Тадж-нѣмъ, упоминаемая у Мас'уді персидская книга съ рисунками и иллюстраціи свитковъ въ замкѣ Джиссъ	25—29
VI. Списокъ переводчиковъ съ персидскаго въ Фихристѣ и различныя ихъ категоріи. Табаристанецъ 'Умаръ-ибн-ал-Фаррухъанъ и его «Китѣбъ-ал-махъсинъ». Другіе авторы книгъ съ подобнымъ заглавіемъ въ ранне-мусульманскую эпоху. Связь этихъ книгъ съ «книгами о добродѣтеляхъ и порокахъ» . . .	29—36
VII. «Книга свѣта» 'Али-ибн-'Убейды ар-Райхъані.	36—38
Указатель.	39—40

I.

Иранскому элементу принадлежит очень крупная роль какъ во внѣшней, такъ и во внутренней исторіи ислама. Его вліяніе сказывается на протяженіи всей многовѣковой исторіи мусульманскихъ народовъ, то — при благоприятныхъ условіяхъ — вполне ясно и опредѣленно, то — при условіяхъ враждебныхъ — на первый взглядъ незамѣтно, но по существу многозначительно. Причины этого весьма сложны и для всесторонней оцѣнки ихъ необходимо разсмотрѣть длинную цѣпь фактовъ, но съ общей точки зрѣнія несомнѣнно, что онѣ коренятся главнымъ образомъ въ продолжительности исторической, культурной традиціи. Особенное значеніе имѣеть то обстоятельство, что именно въ эпоху, предшествовавшую арабскому завоеванію, Персія переживала время національнаго возрожденія послѣ разгрома, нанесеннаго ей государственности — походами Александра Великаго¹⁾, ея культурѣ — сильнѣйшимъ вліяніемъ эллинизма, во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма плодотворнымъ. Поэтому, для изученія иранской традиціи въ исламѣ особенное значеніе имѣеть эта предшествовавшая арабскому завоеванію эпоха правленія Сасанидской династіи.

Сасанидская династія (со второй четверти III-го в. по Р. X. до середины VII-го в.), вышедшая изъ мелкихъ владѣльцевъ южной Персіи — области, которая справедливо носитъ названіе «ядра персидской націи», — занимаетъ видное мѣсто въ персидской исторіи. Широкія государственныя задачи соединялись съ достаточно прочной государственной организаціей, совершенство которой вошло даже въ пословицу у арабовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сасанидская традиція долго еще переживала династію: сильнѣйшее вліяніе ея чувствуется при 'Аббасидскихъ халифахъ и позже, при турецкихъ Сельджукидахъ. Но не только государственность — и нѣкоторые другія культурно-историческія явленія позднѣйшаго времени находятъ себѣ объясненіе въ сасанидской эпохѣ. Поставленная на перепутьи

---

1) Этимъ объясняется та ненависть, которая рѣзко выражается въ персидскихъ преданіяхъ объ Александрѣ — см. J. Darmesteter, *La légende d'Alexandre chez les Perses, Essais Orientaux*. Paris, 1883, 227—251.

между греко-римскимъ міромъ съ одной стороны, и Китаемъ и Индїей съ другой, сасанидская Персія служила въ теченіе долгаго времени средоточіемъ общаго, духовнаго и матеріальнаго. Въ противоположность Ахеменидамъ, тяготѣвшимъ къ великимъ семитическимъ культурамъ Запада, и эллинистическимъ стремленіямъ предшествовавшей парянской династіи, Сасаниды преимущественно выдвигали иранскій элементъ. Вмѣстѣ съ этимъ, но уже въ подчиненномъ положеніи, продолжали развиваться эллинистическое движеніе и стародавній ирано-семитическій синкретизмъ; одновременно происходило также смѣшеніе этническое, особенно въ западной Персіи, гдѣ семитизмъ былъ силенъ издавна. При всемъ томъ, однако, Сасаниды могли опираться на сплоченное иранское населеніе средней и восточной Персіи. Сплоченность эта была достигнута основнымъ фактомъ всей политической системы сасанидскихъ царей¹⁾ — созданіемъ государственной церкви, которая является вмѣстѣ съ царями главнѣйшимъ вершителемъ судебъ персидскаго народа за все время существованія сасанидскаго государства. Передъ этимъ блѣднѣетъ значеніе второго факта сасанидской политической системы — централизаціи управленія, такъ какъ элементы феодальнаго строя давали себя чувствовать все время существованія государства и позже, послѣ арабскаго завоеванія, явились даже, вслѣдъ за церковью, главными носителями иранской традиціи.

Господствовавшая въ сасанидскую эпоху ирано-фильская тенденція сложилась и развивалась при ближайшемъ участіи государственной религіи, маздеизма, и парсійскаго духовенства. При ихъ же содѣйствіи происходила и литературная ея обработка. Помимо окончательной редакціи священныхъ книгъ, нормировавшихъ всѣ главнѣйшія проявленія какъ духовной, такъ и гражданской жизни населенія, по преимуществу въ этой средѣ должны были сохраняться и развиваться персидскіе этические идеалы. Они должны были находить свое выраженіе въ литературной формѣ, въ этико-дидактическихъ трактатахъ, подобные которымъ мы находимъ въ той же средѣ въ позднѣйшее время. Въ тѣхъ же цѣляхъ сохраненія національной традиціи, государственная церковь путемъ компромисса удерживала древнюю народную обрядность или по крайней мѣрѣ относилась къ ней безразлично, хотя обрядность эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣла ничего общаго съ маздеизмомъ. Въ этой обрядности, въ этихъ этическихъ идеалахъ, церковь находила сильную поддержку у феодальныхъ круговъ, крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ «дихкановъ», которые съ особеннымъ рвеніемъ сохраняли древнее героическое преданіе. Все это встрѣ-

---

1) Объ устройствѣ сасанидскаго государства см. A. Christensen, *L'empire des Sassanides, le peuple, l'état, la cour.* Copenhague, 1907.

чало сочувственное отношеніе династіи, вышедшей изъ феодальныхъ владѣльцевъ и опиравшейся на государственную церковь.

Рядомъ съ этими національными стремленіями, въ сасанидскомъ государствѣ въ полной силѣ дѣйствовали и тѣ факторы культурнаго обмѣна, о которыхъ мы говорили выше. Изъ этихъ факторовъ особенно заслуживаютъ вниманія вопросы просвѣтительные. Въ этомъ отношеніи сасанидская Персія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Запада — достаточно вспомнить присутствіе изгнанныхъ изъ Греціи неоплатониковъ при дворѣ сасанидскаго царя и основаніе высшей медицинскон школы, въ которой видная роль принадлежала греческимъ врачамъ. Одновременно въ этой же области можно усматривать и другія вліянія: сасанидской Персіи не была чужда и индійская наука. Мы имѣемъ данныя объ оживленной дѣятельности переводчиковъ научныхъ сочиненій на персидскій языкъ и традиція этой дѣятельности переживаетъ позже, въ мусульманское время. Въ связи съ этой теоретической научной дѣятельностью стояло высокое совершенство и внѣшней культуры, происшедшее въ значительной степени изъ обмѣна матеріальнаго. Въ этомъ отношеніи также сасанидская традиція переживаетъ династію и какъ при изученіи торговли и промышленности, такъ и искусства мусульманской эпохи, необходимо обращаться къ предшествующему времени персидской исторіи.

Въ до-мусульманской Аравіи было хорошо извѣстно высокое культурное развитіе сасанидской Персіи. Среди подданныхъ великаго персидскаго царя, въ западныхъ областяхъ его царства, находилось много арабовъ, которые въ торговыхъ сношеніяхъ разносили среди племенъ сирійской пустыни и далѣе на югъ, на аравійскій полуостровъ, слухи и рассказы о величіи Йрәншахра. Не только повѣствованія о героическихъ подвигахъ выдающихся лицъ иранскаго эпоса — Рустема и Исфаендіра, но и религіозные взгляды и убѣжденія персовъ находили себѣ мѣсто и распространеніе среди арабскихъ племенъ. Такъ, мы имѣемъ извѣстіе ¹⁾, что огнепоклонники находились среди арабскаго племени Темимитовъ. Въ политикѣ вліяніе персовъ на племена Аравіи сказывается въ до-мусульманскую эпоху очень сильно. Какъ извѣстно, благодаря главнымъ образомъ персидскому вліянію держалось небольшое арабское государство Лакмидовъ ²⁾ на юго-западныхъ предѣлахъ сасанидскаго государства; оно сыграло свою, весьма полезную для Персіи роль, сдерживая съ одной стороны римско-византійское стремленіе къ Востоку, съ другой — постоянныя попытки къ вторженію на территорію Персіи арабскихъ кочевыхъ

1) См. напр. Ибн-Русте (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VII), гIV, 6—9.

2) О немъ см. G. Rothstein, Die Dynastie der Lakmiden in al-Hira. Ein Versuch zur arabisch-persischen Geschichte zur Zeit der Sasaniden. Berlin, 1899.

племень. Незадолго до возникновенія ислама, сасанидское вліяніе захватило арабовъ и съ юга, такъ какъ Іемень перешелъ во владѣніе персовъ. Тогда Хосрой и его дворъ кажутся арабамъ недосыгаемымъ идеаломъ величія и роскоши.

Быстрое завоеваніе Персіи арабскими войсками явилось полнымъ разгромомъ для сасанидской государственности, но персидская культура не могла быть уничтожена успѣхами арабскаго оружія. Въ наукѣ установлено, что разгромъ Персіи былъ только вѣншній и что арабы были припуждены въ очень многомъ сохранять прежнее. Потерявъ господствующее положеніе, парсійское духовенство фактически сохранило всю свою власть надъ туземнымъ населеніемъ, какъ въ глазахъ его самого, такъ и новаго, чужеземнаго правительства; то же нужно сказать и о землевладѣльческомъ классѣ¹⁾. Иранская традиція продолжала жить въ нихъ и съ ними. Не только сохранившееся, но и все разрушенное оставило долгій слѣдъ въ памяти завоевателей. Черезъ много лѣтъ послѣ арабскаго завоеванія, развалины, покрывающія Персію, возбуждаютъ удивленіе арабовъ, и ихъ географы IX—X вѣковъ считаютъ долгомъ перечислять главнѣйшія постройки Сасанидовъ и упоминать, что тамъ-то Хосрой выстроилъ въ свое время деревню, тамъ замокъ, тамъ крѣпость, тамъ мостъ²⁾. Оставшіяся отъ сасанидской и предшествующей эпохъ монументальныя художественныя сооруженія также привлекаютъ вниманіе арабовъ и они съ большей или меньшей подробностью описываютъ ихъ³⁾. Изъ сообщеній тѣхъ же арабскихъ мусульманскихъ писателей мы имѣемъ точныя данныя о населеніи Персіи и вѣроисповѣданіи его. Такъ, напр. Я'кубъ указываетъ, что населеніе Исфahanа, Мерва и Херата состояло главнымъ образомъ изъ благородныхъ дихкановъ⁴⁾; Макдиси отмѣчаетъ значительное количество огнепоклонниковъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, напр. въ 'Иракѣ и Джибалѣ⁵⁾; Истахрѣ и Ибн-Хаукаль рассказываютъ, что населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Кирманна во все время Умейядской династіи открыто исповѣдывало маздеизмъ⁶⁾. Но особенно подробно отмѣчаютъ арабскіе писатели маздеизмъ жителей Фѣрса, коренной области Персіи. Макдиси говоритъ, что въ Фѣрсѣ существуютъ огнепоклонническіе обычаи, а жители-огне-

1) О роли этого класса въ эпоху халифата см. A. von Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*. II. Wien. 1877, 159—162.

2) См. перечисленіе замѣчательныхъ построекъ старой Персіи у Макдиси (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, III), 199 и Ибн-ал-Факіха (*ib.* V), 170. О различныхъ старинныхъ постройкахъ, оставшихся въ Персіи отъ времени Саюнидовъ см. напр. Истахрѣ (*ib.* I), 117, Ибн-Хаукаль (*ib.* II), 140, Ибн-Хурдальбе (*ib.* VI), 81—82, Ибн-Русте (*ib.* VII), 107, 117, 118, 119, 121, 122, 123, Я'кубъ (*ib.* VIII), 171, 172, 173 и др.

3) Истахрѣ, 117, Ибн-Хаукаль, 107 и 117, Макдиси, 197 и 198, Ибн-Русте, 117.

4) Я'кубъ, 174, 175, 176. 5) Макдиси, 117 и 118. 6) Истахрѣ, 118, Ибн-Хаукаль, 121.

поклонники главнаго города этой провинціи Ширъза не имѣютъ даже отличительнаго знака въ одеждѣ, такъ что изъ этого мы можемъ заключить, что въ его время это населеніе ничѣмъ не отличалось отъ жителей-мусульманъ¹⁾. Истахрїи²⁾ и Ибн-Хаукаль³⁾ сообщаютъ, что главнѣйшее населеніе Фѣрса составляютъ огнепоклонники и что тамъ ихъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ въ Фѣрсѣ былъ центръ государственной, религіозной и просвѣтительной жизни во время самостоятельности Персіи. Особенно подробно останавливаются эти писатели⁴⁾ на древнихъ замкахъ и храмахъ огня, разбросанныхъ по всему Фѣрсу въ изобиліи. Последнее особенно важно потому, что именно въ этихъ пунктахъ было мѣстопробываніе тѣхъ двухъ классовъ персидскаго общества, дворянства и духовенства, которые являлись наиболѣе рьяными хранителями древней національной традиціи.

Сравнительно благопріятное положеніе парсїйской общины послѣ мусульманскаго завоеванія несомнѣнно, однако, должно было иногда омрачаться эксцессами фанатизма, интригами другихъ иновѣрцевъ и пр. Хотя парсы въ качествѣ чиновниковъ, ученыхъ и т. п., могли иногда выдвигаться и играть значительную роль въ исторіи халифата, вообще говоря, община эта была обречена на нѣсколько замкнутую и одинокую жизнь, обстоятельство, способствовавшее сохраненію національныхъ особенностей и приверженности къ старинѣ. Время отъ времени, условія ихъ существованія должны были ухудшаться и результатомъ этого явилось постепенное выселеніе части общины съ родины въ сѣверо-западную Индію.

Во всей парсїйской литературѣ мы имѣемъ лишь одно историческое сочиненіе, которое именно и рассказываетъ объ этомъ выселеніи. Однако, рассказъ его настолько неясенъ, что объ этомъ событіи можно составить лишь самое общее понятіе⁵⁾. Сочиненіе это называется Кысса-и-Санджанъ и написано очень поздно, въ самомъ концѣ XVI-го вѣка, такъ что его сообщенія можно разсматривать лишь какъ отраженіе древняго преданія⁶⁾. Изъ имѣющихся въ этомъ сочиненіи данныхъ можно вывести, что выселившіеся послѣ мусульманскаго завоеванія парсы провели сто лѣтъ въ какой-то горной мѣстности и только спустя сто лѣтъ переселились въ Хурмузъ, а оттуда на Гуджератскій полуостровъ, и наконецъ, послѣ перегово-

1) О. с. fr1 и fr2. 2) О. с. 117. 3) О. с. r.v.

4) Истахрїи, 117—119 (ср. 100), Ибн-Хаукаль, 145—146 (ср. 141).

5) Новѣйшій историкъ, ученый царь г. Каракъ въ изложеніи событій послѣ арабскаго завоеванія слѣдовалъ взглядамъ старой школы исламистовъ-историковъ, разсматривавшихъ эту эпоху какъ полный разгромъ всѣхъ прежнихъ устоевъ и торжество фанатизма новой религіи — см. D. F. Karaka, *History of the Parsis*, vol. I, London, 1884 (объ исторіи перовъ послѣ арабскаго завоеванія см. стр. 22 слѣд.).

6) E. B. Eastwick, *Translation from the Persian of the Kissah-Sanján or History of the arrival and settlement of the Pársis in India*, *Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*, I, 1844, 167—191 (ср. ib. XXI, Extra Number, 1905, 197—199).

воровъ съ мѣстнымъ владѣтелемъ, поселились въ Санджѣнъ; позже къ нимъ прибываютъ изъ Хорѣсанъ новые выселенцы. Изъ послѣдняго-то и можно заключить, что выселеніе происходило постепенно; это подтверждается также тѣмъ, что въ случаѣ массоваго выселенія, «исходъ» парсовъ оставилъ бы слѣдъ въ арабской литературѣ. Несомнѣнно далѣе, что значительное количество парсовъ оставалось на родинѣ и ихъ потомками являются современные персидскіе Гебры, которые вмѣстѣ съ парсами Индіи, могутъ быть названы во многихъ отношеніяхъ единственными хранителями древней иранской традиціи въ настоящее время.

Итакъ, во всей Персіи въ первые вѣка ислама національный элементъ съ переменнымъ счастьемъ отстаивалъ свое существованіе. Нужно, однако, замѣтить, что большій или меньшій его успѣхъ не во всѣхъ частяхъ страны былъ одинаковъ и его судьбы въ значительной степени зависѣли отъ географическаго положенія и исторической жизни отдѣльныхъ областей страны. Западныя провинціи, вслѣдствіе наибольшей близости къ центрамъ арабской государственной жизни, ранѣе другихъ должны были поступиться своими стремленіями и дѣятельно войти въ кругъ событій, составлявшихъ собственно арабскій періодъ исторіи мусульманскаго Востока. Средняя Персія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, также не могла быть опорнымъ пунктомъ для персидскихъ элементовъ. Наиболѣе для нихъ благоприятными были провинціи сѣверныя, восточныя и южныя: Табаристѣнъ, Хорѣсанъ и Фѣрсъ.

Табаристѣнъ, какъ извѣстно, за все время расцвѣта арабской имперіи, находился почти въ полной независимости отъ центральной власти. Мѣстные владѣтели, такъ называемые «испехбеды», пользовались фактической независимостью и арабско-мусульманское вліяніе было въ ту эпоху совершенно ничтожно. Мѣстныя династіи (Бавендиды, Бадуспаниды, Дабунды, Кѣрениды), смѣнявшія одна другую и правившія одновременно, наследовали преданія, оставленные имъ такъ называемыми «мерзбѣями» т. е. наместниками (часто наследственными) великихъ Хосроевъ и независимыми со времени Арсакидовъ властителями¹⁾, а позже (Аліды, Зіярды) рѣзко примыкали къ шіитству, съ его опредѣленно выраженными персидскими симпатіями. Однако, эта область не была благоприятна для особенно успѣшной національной эволюціи. Дѣло въ томъ, что и въ сасанидскую эпоху Табаристѣнъ являлся отдаленной и глухой окраиной и не принималъ дѣятельнаго участія въ культурной жизни того времени. Поэтому, не сюда долженъ былъ

1) Общій обзоръ исторіи прикаспійскихъ провинцій въ освѣщеніи ихъ независимой отъ сасанидскаго и арабскаго управленія жизни см. напр. у F. Justi, Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden въ Grundriss des iranischen Philologie, II, 547 — 549.

быть перенесенъ центръ тяжести персидской жизни, хотя несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ этой области сохранялись типичныя черты сасанидской старины.

Иное дѣло—восточныя провинціи. Хорасанъ былъ слишкомъ удаленъ отъ мѣстностей съ арабскимъ населеніемъ и слишкомъ густо населенъ иранцами, чтобы быстро утратить прежній обликъ. Наоборотъ, мы знаемъ изъ исторіи, что въ этой провинціи иранскій элементъ держался стойко во все время Умейядской династіи, и исключительно благодаря поддержкѣ хорасанцевъ 'Аббасидамъ удалось свергнуть предшествовавшую династію и начать эпоху сильнѣйшаго иранскаго вліянія въ исторіи мусульманскаго Востока¹⁾. Хорасану принадлежитъ первенствующая роль въ развитіи ново-персидской литературы и особенно ея главнѣйшаго вида — поэзіи. Весь древнѣйшій періодъ исторіи ново-персидской поэзіи, отъ 'Аббаса, привѣтствовавшаго стихами халифа Мамуна при вѣздѣ его въ Мервь, до Фирдаусі включительно, можетъ быть названъ хорасанскимъ. Тамъ протекала дѣятельность Рудекі, Кисай, Дакйкы и другихъ, менѣе знаменитыхъ представителей ранняго періода ново-персидской поэзіи²⁾. Этому благопріятствовали не только географическія, но и политическія условія. Уже въ началѣ IX-го вѣка въ Хорасанѣ возникаютъ національныя персидскія династіи, и подъ ихъ покровительствомъ начинается возрожденіе персидскаго народа (Тяхриды, Саффариды, Саманиды).

Въ иныхъ условіяхъ, но съ одинаково крупнымъ значеніемъ для персидской национальной идеи сложились условія въ южной провинціи, въ Фарсѣ. Здѣсь должна была съ особеннымъ упорствомъ переживать не только національная, но и государственная традиція древней, сасанидской Персіи — здѣсь былъ центръ государства и отсюда происходила династія. После арабскаго завоеванія, эта провинція вошла въ гораздо болѣе тѣсную связь съ халифатомъ, чѣмъ напр. Хорасанъ, но персидскому элементу ея благопріятствовало географическое положеніе — горный характеръ мѣстности и потому трудная доступность ея завоевателямъ. Мы приводили уже выше извѣстія арабскихъ географовъ X-го вѣка объ изобиліи храмовъ огня и замковъ въ Фарсѣ. Они говорятъ, что тамъ не было деревни или села, въ которомъ не имѣлось бы храма огня; укрѣпленные же замки являлись мѣстопребываніемъ туземной аристократіи, идеалы которой коренились въ сасанидской эпохѣ. У тѣхъ же географовъ, Истахрѣ и Ибн-Хаукала, находится чрезвычайно важное, по нашему мнѣнію, извѣстіе о сохраненіи

1) Объ исторіи Хорасана въ Умейядскій періодъ см. J. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz*. Berlin. 1902, 247 сл. и 306 сл.

2) См. общій очеркъ этого періода у J. Darmesteter, *Les origines de la poésie persane*. Paris, 1887 и E. G. Browne, *A literary history of Persia*, I. London, 1902, 340 слѣд.

персидской традиціи въ Фърсѣ, не только до сихъ поръ по достоинству не оцененное, но даже не отмѣченное въ его значеніи для этого вопроса.

Истахрї и Ибн-Хаукаль, перечисляя замки Фърса, говорятъ слѣдующее о замкѣ Джиссъ¹⁾: «Замокъ Джиссъ находится въ округѣ Арраджа́на. Въ немъ живутъ огнепоклонники, знатоки²⁾ Персіи и ея прошлаго. Тамъ они изучаютъ (все это). Замокъ этотъ очень укрѣпленъ». Далѣе, у Истахрї³⁾ мы находимъ еще слѣдующее: «Въ округѣ Сабұра, на горѣ изображены всѣ извѣстные персамъ цари и вельможи, всѣ знаменитые хранители огня, великіе мұбады и прочіе. Ихъ изображенія, ихъ дѣянія и рассказы о нихъ послѣдовательно излагаются въ свиткахъ. Специально хранять это (т. е. эти свитки) люди, живущіе въ одномъ мѣстѣ округа Арраджа́на, именуемомъ крѣпость Джиссъ». Изъ этихъ извѣстій мы узнаемъ, что въ одномъ изъ замковъ Фърса, еще въ X-мъ вѣкѣ хранились рукописи, написанныя вѣроятно на пехлевійскомъ языкѣ, содержавшія рассказы изъ персидской исторіи и иллюстрированныя рисунками въ стилѣ сасанидскихъ рельефныхъ изображеній на скалахъ въ округѣ Сабұра⁴⁾. Этотъ укрѣпленный замокъ былъ вѣроятно мало доступенъ арабамъ и представлялъ вѣрное убѣжище мұбадамъ, дикханамъ и другимъ, интересовавшимся родной стариной.

Извѣстіе это, вообще важное для исторіи сохраненія эпической, исторической и художественной традиціи Ирана, интересно въ частности и для изслѣдованія источниковъ арабскихъ переводовъ сасанидской хроники и эпопеи Фирдаусї. Какъ извѣстно, переводчики этой хроники были персы-огнепоклонники или же мусульмане, но принявшіе исламъ лишь наружно и оставшіеся въ душѣ вѣрными прежней религіи. Среди нихъ прямо называется мұбада, происходящій изъ Сабұра въ Фърсѣ, имѣющій большое значеніе въ выработкѣ иранскаго историческаго преданія и о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе. Мұбада этотъ вѣроятно дѣлалъ арабскій переводъ сасанидской хроники по матеріаламъ архива въ замкѣ Джиссъ. Далѣе, извѣстіе, приводимое объ этомъ замкѣ, относится ко времени, немногимъ предшествующему эпохѣ Фирдаусї и несомнѣнно въ матеріалахъ этого архива были источники Шāхнāма, перешедшіе къ Фирдаусї черезъ посредниковъ. Наконецъ, мы видимъ, что эти сасанидскія хроники иллюстрирова-

1) Истахрї, III, 2—4; Ибн-Хаукаль, I, 9, 1—2.

2) Въ текстѣ персидское слово «*abdūzār*» т. е. рапсода, сказителя народныхъ преданій; ср. объ этомъ словѣ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, IV, 182—183 и Vullers, Lexicon persico-latinum, s. v.

3) О. с. 10, 14—17.

4) Т. е. въ стилѣ тѣхъ сасанидскихъ барельефовъ, которые до сего времени сохранились на скалахъ близъ Шāпұра и наиболѣе извѣстнымъ образцомъ которыхъ является барельефъ съ изображеніемъ побѣды сасанида Шāпұра I надъ императоромъ Валентиномъ.